

Pleasure agreement and victims' right to express the opinion

Dildora BAZAROVA¹

Tashkent State University of Law

ARTICLE INFO

Article history:

Received February 2023

Received in revised form

15 February 2023

Accepted 15 March 2023

Available online

25 April 2023

Keywords:

plea agreement,
victim's rights,
accused,
prosecutor,
guidelines,
criminal procedure.

ABSTRACT

The article examines the rights of the victim and the problems of his participation in the conclusion of a plea agreement between the prosecutor and the accused. Based on the fact that the plea agreement is a new legal phenomenon for the Republic of Uzbekistan, the article analyzes the law enforcement and legislative practice of the United States, where these agreements have been used for more than half a century. The author comes to the conclusion about the development of general guidelines for the prosecutor's office to ensure the transparency and effectiveness of plea agreements. It is noted the need to take into account the victim's position by the prosecutor and exercise proper control over such agreements.

2181-1415/© 2023 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol4-iss2-pp71-81>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Айбга иқрорлик тўғрисидаги келишув ва жабрланувчининг ўз фикрини билдиришга бўлган ҳуқуқи

АННОТАЦИЯ

Мақолада жабрланувчининг ҳуқуқлари ҳамда унинг прокурор ва айбланувчи билан айбга иқрорлик тўғрисидаги келишувни тузишдаги иштироки билан боғлиқ муаммолар кўриб чиқилади. Мақолада айбга иқрорлик тўғрисидаги келишув Ўзбекистон Республикаси учун янги ҳуқуқий ҳодиса эканлигидан келиб чиқиб, ушбу келишувлар ярим асрдан ортиқ вақт давомида қўлланилаётган АҚШнинг ҳуқуқни қўллаш ва қонунчилик амалиёти таҳлил қилинган. Муаллиф прокуратура органлари учун айбга иқрорлик тўғрисидаги келишувнинг шаффоғлиги ва самарадорлигини таъминлаш бўйича

Калит сўзлар:

айбга иқрорлик
тўғрисидаги келишув,
жабрланувчининг
ҳуқуқлари,
айбланувчи,
прокурор,
йўриқнома,
жиноят.

¹ Professor, Head of Criminal Procedural Law Department, Tashkent State University of Law.

умумий принципларни ишлаб чиқиши кераклиги түғрисидаги хуносага келади. Прокурор томонидан жабрланувчининг ҳолатини ҳисобга олиш, шунингдек, бундай келишувлар устидан тегишли назоратни амалга ошириш зарурлиги қайд этилган.

Соглашение о признании вины и права потерпевшего на выражение своего мнения

Аннотация

Ключевые слова:
соглашение о признании вины,
права потерпевшего,
обвиняемый,
прокурор,
руководящие принципы,
уголовный процесс.

В статье изучаются права потерпевшего и проблемы его участия при заключении соглашения о признании вины между прокурором и обвиняемым. Исходя из того, что соглашение о признании вины является новым правовым явлением для Республики Узбекистан, в статье проводится анализ правоприменительной и законодательной практики США, где данные соглашения используются более полвека. Автор приходит к выводу о разработке общих для органов прокуратуры руководящих принципов для обеспечения прозрачности и эффективности соглашений о признании вины. Отмечается необходимость учета позиции потерпевшего прокурором, а также осуществление надлежащего контроля над подобными соглашениями.

ВВЕДЕНИЕ

Потерпевшие все чаще требуют и получают более активную роль в рассмотрении уголовных дел. Как признают многие потерпевшие и их защитники, вынесение приговора часто фактически предопределено или, по крайней мере, существенно сформировано условиями соглашения о признании вины. В результате движение за права потерпевших также проявило большой интерес к созданию значимой роли потерпевших в процессе переговоров о признании вины.

Вопрос о том, как лучше структурировать роль потерпевшего, остается предметом дискуссий. Одна из возможностей, предложенная, например, профессором Джорджем Флетчером [1], состоит в том, чтобы дать потерпевшему право вето на любое предлагаемое соглашение о признании вины. Это предложение, однако, подвергалось значительной критике за подчинение публичных интересов частным при разрешении уголовных дел, а также за различные практические трудности в его реализации.

Другой, гораздо более скромный подход, пропагандируемый, например, профессором Сарой Веллинг [2], заключается в том, чтобы предоставить потерпевшему возможность высказать свое мнение по любому предлагаемому соглашению о признании вины при изменении слушания по делу о признании вины. Однако, к этому моменту уголовного процесса соглашение о признании вины уже приобрело значительный импульс, и даже когда потерпевший выражает серьезные опасения, судья может весьма неохотно отклонять соглашение, что потребовало бы от всех дополнительных усилий по делу.

Еще одно предложение, представляющее основной интерес для нынешних целей, касается последней проблемы, требуя от прокуроров консультироваться с потерпевшими перед заключением соглашения о признании вины. Такое требование, которое уже стало законом в США, дает возможность для более значимого участия потерпевшего. Однако, в других юрисдикциях требование о консультациях было отвергнуто как дорогостоящее и неэффективное на практике [3]. Более того, даже если требование существует на бумаге, неясно, соблюдают ли прокуроры его неукоснительно и осмысленно.

Трудности, связанные с требованием проведения консультаций, выявляют фундаментальные проблемы, связанные не с правами потерпевших, а с широкой свободой действий прокуроров. Участие потерпевшего легко ассилируется при вынесении приговора, поскольку вынесение приговора представляет собой обособленное публичное разбирательство, в ходе которого должностное лицо (судья) принимает решение, основанное на заранее определенных критериях и, как правило, обоснованное с некоторой конкретностью. Участие потерпевшего не так легко включается в переговоры о признании вины, потому что такие переговоры являются частными, ситуативными взаимодействиями, в которых соответствующее государственное должностное лицо (прокурор) принимает решения без публичных объяснений на основе критериев, которые часто не сформулированы. Такая практика не способствует участию, которое потерпевшие считают эффективным.

Чтобы обеспечить основу для более содержательных консультаций по заключению соглашения о признании вины, защитники прав потерпевших должны объединиться с теми, кто добивается большей прозрачности и подотчетности при осуществлении прокурорского усмотрения. В американской системе уголовного правосудия доминируют сделки о признании вины, а в сделках о признании вины доминируют прокуроры. Доведенная до конца логика прав потерпевших обязательно привести к определенному конфликту с предпочтениями прокурора.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

При проведении научного исследования автором были использованы научные работы ведущих ученых в сфере уголовного процесса, в частности по теории и практике заключения соглашения о признании вины, законодательная и правоприменительная практика США, а также существующие проблемы и их решения, могущие послужить развитию соглашения о признании вины в Республике Узбекистан.

При проведении исследования были использованы сравнительно-правовой метод, методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Многие из потерпевших считают себя обладающими уникальными и убедительными интересами в «своих» делах, интересами, которые требуют определенного учета их взглядов при разрешении дел. Это стремление к осмысленному участию вызывает озабоченность по поводу традиционной практики исключения потерпевших из процесса переговоров о признании вины. В то же время, как и при любом обсуждении усиления роли потерпевших в уголовном процессе, мы должны опасаться деградации уголовного правосудия

до системы частной мести. Тем не менее, внимательное отношение к интересам потерпевших в сделках о признании вины не обязательно означает полномасштабную приватизацию. В самом деле, стремясь обеспечить большую процессуальную справедливость для потерпевших, мы можем одновременно отстаивать несколько важных общественных интересов. Эти общественные интересы охватывают как утилитарные соображения (такие как борьба с преступностью), так и подтверждение достоинства потерпевшего способами, которые перекликаются с более карательным мышлением.

Исследования в области социальной психологии предполагают несколько общественных преимуществ, которые могут быть получены в результате процедурного обращения с потерпевшими во время переговоров о признании вины. Процессуальное правосудие, вероятно, способствует принятию договорных результатов, потенциально уменьшая склонность некоторых потерпевших искать месть за пределами системы уголовного правосудия. Процессуальная справедливость также способствует формированию отношения сотрудничества с властями и общему законопослушанию. Более того, эти преимущества могут быть более значительными, чем может показаться на первый взгляд. Несмотря на распространенный стереотип о невиновных жертвах и случайной виктимизации, многие потерпевшие сами вовлечены в преступную деятельность, живут в районах с высоким уровнем преступности или иным образом подвергаются высокому риску быть причастными к дополнительным правонарушениям [4].

Представление о справедливом обращении и принятии результатов может также распространяться от потерпевших к более широкой общественности. Общественность обычно не доверяет и не любит сделки о признании вины, что создает серьезные проблемы с легитимностью для системы уголовного правосудия. По этой причине, как утверждают многие ведущие комментаторы, необходимо принять меры для улучшения общественного восприятия сделок о признании вины и тем самым повысить доверие общества к системе [5]. Однако, при этом проблема состоит в том, что у общественности мало прямых знаний о том, как на самом деле работает сделка о признании вины, и мало оснований доверять корыстным заверениям инсайдеров в том, что система действительно справедлива. Отказы потерпевших от соглашений о признании вины, особенно когда они оглашаются в громких делах, не могут помочь делу. И наоборот, когда потерпевший чувствует, что система хорошо к ней относится, и сообщает о своих взглядах прессе, представители общественности могут чувствовать, что у них есть более надежное основание для вывода о том, что рассматриваемое соглашение о признании вины действительно разрешило дело должным образом.

Выходя за рамки проблем легитимности парадигмы социальной психологии, можно сказать, что процедурная справедливость может принести дополнительные общественные выгоды. Голос жертвы играет решающую роль в модели процессуального правосудия, и возможности голоса могут передавать важную информацию прокурорам до того, как сделка о признании вины будет согласована и приобретет непреодолимый импульс. Информация может иметь отношение к виновности подсудимого, например, если заявление о воздействии на потерпевшего содержит информацию, которая случайно оправдывает лицо, преследуемое за преступление. Растущий объем научной литературы определяет

неправомерные приговоры как серьезную проблему в системе переговоров о признании вины; некоторые такие обвинительные приговоры можно предотвратить, предоставив прокурорам дополнительную информацию, помимо той, которая содержится в отчетах полиции, на которые обычно полагаются при формулировании предложений о признании вины [6].

Хотя прокуроры официально не выбирают приговор, который будет вынесен после принятия заявления о признании вины, соглашение о признании вины, как правило, формирует приговор важными способами, например, призывая к снятию конкретных обвинений и тем самым уменьшая применимый максимальный или минимальный срок наказания, или обязывая прокурора рекомендовать конкретный приговор или диапазон приговоров. В свете полномочий, которые прокурор может использовать в отношении приговора, общественность серьезно заинтересована в том, чтобы прокурор располагал достаточной информацией во время переговоров о признании вины, чтобы определить надлежащий исход дела. Потенциально полезная информация от потерпевших может касаться как сущности, так и типа назначенного наказания. Информация потерпевшего о поведении подсудимого и причиненном вреде поможет прокурору обеспечить соразмерность приговора преступлению. Информация потерпевшего может также помочь прокурору лучше оценить необходимость (или отсутствие таковой) реституционного компонента приговора, необходимость (или его отсутствие) тюремного компонента для предотвращения повторной виктимизации и психологическую ценность для жертвы полное и публичное признание вины обвиняемым.

Таким образом, процессуальное правосудие в отношении потерпевших может способствовать достижению нескольких общепризнанных общественных целей системы уголовного правосудия, включая эффективный контроль над преступностью, точное установление вины и соразмерное наказание. В то же время мы не должны забывать, что, хотя общественные цели действительно имеют первостепенное значение в уголовном правосудии, эти общественные цели также включают в себя некоторую меру заботы о благополучии потерпевшего как такового. На более глубоком уровне базовая забота о жертвах, возможно, оживляет практику возмездия, которая, несомненно, является основной целью уголовного наказания. В частности, как утверждает Джин Хэмптон [7] в своей весьма влиятельной теории наказания, «Возмездие на самом деле является формой компенсации жертве». Это утверждение следует из наблюдения Хэмптона о том, что возмездия заслуживают те обиды, которые имплицитно выражают принижение существенной ценности жертвы как личности. Таким образом, смысл карательного ответа состоит в том, чтобы выразить противоположное сообщение: Возмездие – это ответ на несправедливость, целью которого является подтверждение ценности жертвы, отрицаемой действиями правонарушителя, посредством конструирования события, которое не только отвергает послание действия о превосходстве над жертвой, но и делает это таким образом, чтобы подтвердить его.

Рассмотрение системы уголовного правосудия как карательной в этом смысле утверждения потерпевшего хорошо перекликается с общей интуицией, что потерпевшие имеют законную заинтересованность в процессе вынесения приговора и что потерпевшие должны образом огорчаться, когда приговор кажется несоразмерно легким по отношению к преступлению.

Если публичные цели уголовного права действительно включают в себя защиту ценности потерпевшего, то обеспечение процессуальной справедливости по отношению к ним значительно продвинуло бы эту цель. Как признают социальные психологи, одна из причин, по которой мы так заботимся о справедливых процедурах, заключается в том, что они передают позитивные сообщения о социальном положении [8].

Таким образом, аргумент в пользу процессуальной справедливости для потерпевших возникает как из стремления к утилитарным целям, включая контроль над преступностью, так и из желания дополнить программу карательного наказания. Безусловно, процессуальное правосудие также сопряжено с различными издержками, возможно, наиболее заметными из которых являются дополнительные административные издержки для прокуроров, что вызывает особую озабоченность в данном контексте, поскольку сделка о признании вины обычно оправдывается как необходимое средство для перегруженных сотрудников системы уголовного правосудия.

На первый взгляд, обязательные консультации кажутся явно полезным способом повысить воспринимаемую процессуальную справедливость. Требование к прокурору узнать точку зрения потерпевшего перед заключением сделки о признании вины гарантирует потерпевшему определенное право голоса в процессе – голос, который может быть значительно более значимым, чем возможность высказаться на слушании по делу о признании вины или при вынесении приговора, к чему во многих случаях самые важные решения уже приняты.

Тем не менее, обязательное консультирование также подвергалось целому ряду важных критических замечаний, которые, по существу, отражают две различные проблемы. Во-первых, консультации отвлекают скучные ресурсы уголовного правосудия, которые лучше было бы потратить в другом месте. Есть, конечно, время, затраченное непосредственно на запрос и получение информации от жертвы, что, в зависимости от обстоятельств и вовлеченных лиц, может быть или не быть длительным процессом. Однако, даже если обмен мнениями непродолжителен, он может стать значительным бременем в рутинных, объемных делах, в которых многие прокуроры привыкли ссыльаться на «переговоры» о признании вины, длиющиеся не более нескольких минут. Однако, возможно, еще более важными являются дополнительные логистические трудности. Многих жертв будет трудно разыскать, они будут медленно отвечать на письма и телефонные сообщения или не смогут посетить здание суда или прокуратуру в обычное рабочее время. Консультации с такими потерпевшими могут не только потребовать значительных усилий со стороны прокурора, но также могут повлечь за собой неоднократные отсрочки и бесплодные явки в суд. Такие задержки не только дорого обходятся адвокатам и судебным работникам, но и могут представлять собой большую несправедливость по отношению к обвиняемому, ожидающему в предварительном заключении решения по рутинному, низкоуровневому делу. Действительно, в некоторых случаях сам потерпевший может желать скорейшего решения, чем возможности взвесить предлагаемую сделку о признании вины.

Такие опасения можно уменьшить, приняв некую оговорку о «разумных усилиях», которая фактически освобождает прокурора от консультаций с потерпевшими, у которых возникают материально-технические проблемы. Но

такой ответ может подорвать практическую ценность требования о консультации; потерпевшие, которые оперативно реагируют на сообщения и своевременно обращаются в прокуратуру, вероятно, неплохо справляются с задачей добиться того, чтобы их голос был услышен с обязательной консультацией или без нее.

В качестве альтернативы прокуратура может уменьшить административное бремя, наняв координатора по делам потерпевших, который возьмет на себя организационные вопросы и, возможно, даже саму консультацию. Однако может существовать значительный риск ошибки или недопонимания, когда общение между потерпевшим и прокурором происходит через посредника.

Вторая обширная область, вызывающая озабоченность, – это обманутые ожидания. Как выразился один критик Аллен Эдгар: Многие потерпевшие уже думают, что прокурор должен представлять их интересы, и ожидают, что их заявление о последствиях повлияет на исход приговора. Когда эти ожидания не оправдываются, как это обычно и бывает, возрастаёт неудовлетворенность потерпевших не только процессом вынесения приговора, но и системой уголовного правосудия в целом. Обязательные консультации могут только увеличить вероятность того, что потерпевшие будут думать, что прокурор их представляет, в то время как участие порождает большие ожидания и последующее усиление неудовлетворенности, когда они остаются в значительной степени нереализованными [3].

С точки зрения теории процессуальной справедливости эта критика особенно поразительна: возможность высказаться, предназначенная для повышения удовлетворенности потерпевшего и принятия результатов, на самом деле может привести к прямо противоположному результату.

Использование обвинений со стороны прокуратуры и руководств по заключению сделок о признании вины может служить эффективным дополнением к обязательным консультациям, устранивая основные возражения против консультаций и внося важный независимый вклад в процессуальное правосудие. Нами предлагается подробное описание того, как можно разработать руководящие принципы и вписать их в процесс переговоров о признании вины.

При рассмотрении вопроса о том, как лучше всего структурировать руководящие принципы обвинения, мы можем воспользоваться опытом работы в этой стране с руководящими принципами вынесения приговоров. Как и руководящие принципы для прокуратуры, руководящие принципы для вынесения приговора предназначены для выявления и присвоения весов многим ключевым переменным, которые должным образом доминируют в традиционно дискреционном процессе принятия решений (в данном случае, при выборе приговора судьей). В контексте вынесения приговоров различные юрисдикции экспериментировали с различными способами структурирования и использования руководств, некоторые из которых оказались значительно более успешными, чем другие. Основные уроки включают в себя следующее:

– руководящие принципы должны быть простыми, сосредоточив внимание лица, принимающего решение, на небольшом числе переменных, которые действительно имеют значение и должны контролировать результат в большинстве случаев [9];

– руководящие принципы должны быть разработаны для обычных случаев, оставляя лицу, принимающему решение, право по своему усмотрению отступать от руководящих принципов для случаев, признанных необычными в каком-либо существенном отношении [10];

– руководящие принципы не обязательно должны быть формально «обязательными» или подлежать принудительному исполнению извне, чтобы иметь значение; в то время как лица, принимающие решения, будут обращать внимание даже на чисто рекомендательные указания, демонстрирующие искреннее уважение к опыту и практической мудрости [11].

Эти уроки хорошо согласуются с полевыми исследованиями сделок о признании вины, подчеркивая пригодность сделок о признании вины. Полевые исследования демонстрируют наличие устоявшихся «поступлений» для различных категорий преступлений и преступников. Таким образом, опытные юристы уже привыкли разбирать дела по ограниченному числу переменных; именно это позволяет им во многих случаях так быстро приходить к соглашению об условиях признания вины. Исследование также показывает, что опытные юристы уже мыслят категориями обычных и необычных дел и хорошо понимают, что их отличает.

Все это говорит о том, что для прокуроров не должно быть особенно обременительным создание достаточно простых и применимых руководств, основанных на том, что они уже делают, руководств, которые бы просто определяли стандартную сделку о признании вины для часто повторяющихся типов дел.

Конечно, рекомендуемый перечень преступлений и характеристик преступлений далеко не исчерпывает потенциально значимых характеристик. Однако, другие характеристики могут учитываться судьей при вынесении приговора или, в исключительных случаях, использоваться в качестве основания для нестандартного обвинения. Другими словами, набор руководящих указаний для прокуроров, предназначенных для определения стандартного правонарушения, за которое следует вынести обвинительный приговор в обычных случаях, просто не обязательно должен учитывать весь спектр реальных сложностей. Однако, руководящие принципы могут потребовать несколько более длинного набора переменных в юрисдикциях, в которых соглашения о признании вины обычно охватывают не только преступление, связанное с осуждением, но также рекомендации или положения о вынесении приговора. В то же время важно даже в таких юрисдикциях не забывать о достоинствах простоты при составлении руководств.

Как руководящие принципы могут быть включены в процесс переговоров о признании вины таким образом, чтобы также уважать цель голоса потерпевшего? Вскоре после принятия решения о возбуждении дела прокурор связывается с потерпевшим. Первоначальное сообщение содержит общую справочную информацию о системе уголовного правосудия, включает копии любых потенциально важных руководящих принципов для прокуроров и определяет первоначальную оценку прокурором применимого стандартного обвинения. В сообщении далее разъясняются последствия вынесения приговора в связи с признанием вины по стандартному обвинению. Наконец, в сообщении запрашивается мнение потерпевшего относительно уместности стандартного обвинения в его случае. Потерпевшему предлагается предоставить дополнительную информацию, которая может показать, что первоначальная

оценка дела прокурором была неверной (например, если в деле об этом не упоминается, потерпевший грабежа может сообщить прокурору, что обвиняемый действительно размахивал оружием), а также информацию, которая может оправдать нестандартное решение (например, если обвиняемый, хотя и не имел при себе оружия, действовал крайне угрожающе, вызывая сильный страх, сравнимый с вооруженным ограблением).

Должны ли руководящие принципы быть обязательными? Например, должен ли потерпевший обращаться за помощью, если прокурор допустил очевидную ошибку при определении стандартного соглашения о признании вины (например, проигнорировав заслуживающие доверия, неопровергимые доказательства того, что грабитель размахивал пистолетом)? Или если прокурор злоупотребил своим усмотрением, приняв решение отступить от стандартной сделки (например, снизив обвинение без видимой причины)? Теоретически потерпевшему может быть предоставлено право «обжаловать» решение прокурора либо перед судьей, либо внутри прокуратуры перед вышестоящими органами. Конечно, без права на апелляцию существует риск того, что руководящие принципы будут проигнорированы.

С другой стороны, создание формальных правоприменительных механизмов может существенно увеличить издержки, фактически усугубить проблему обманутых ожиданий или и то, и другое. На практике судебные органы крайне неохотно сомневались в решениях по обвинениям и сделкам о признании вины, в то время как формальные внутренние процедуры подачи жалоб также часто оказывались неэффективными и вызывали разочарование у посторонних. Более того, опыт применения руководящих принципов вынесения приговоров свидетельствует о том, что в формальном исполнении может не быть необходимости. Если прокуроры имеют значимый голос в разработке руководящих принципов и не воспринимают руководящие принципы как полностью инициативу сверху вниз, то они могут серьезно отнестись к руководящим принципам даже без угрозы формального «отмены» судьей. Кроме того, различные неофициальные правоприменительные механизмы также могут усилить соблюдение требований. Например, возможность потерпевшего высказать недовольство на слушании дела о признании вины может поставить в неловкое положение прокурора, который злоупотребляет своими полномочиями при применении руководящих принципов. Кроме того, риск подачи жалоб в прессу и негативной огласки создает для избранных главных прокуроров стимулы для контроля за соблюдением и решением проблем даже при отсутствии официального механизма проверки.

Руководящие принципы могут эффективно дополнять требование о консультациях, в том числе уменьшая некоторые проблемы, связанные с отдельным требованием. Самое главное, что рекомендации направлены на решение проблемы обманутых ожиданий. Если потерпевший видит, что основная роль прокурора заключается в том, чтобы применять общие принципы к конкретным делам, то потерпевший должен иметь возможность лучше понять, что прокурор является не его адвокатом, а скорее защитником более широких общественных интересов. Более того, само существование руководящих принципов заключения соглашения о признании вины подчеркивает, что оно

является нормальным методом разрешения дел, и ясно дает понять, что соглашение происходит не с чистого листа в каждом случае, а вместо этого в тени длинного ряда прецедентов и предшествующих дел. Наконец, рекомендации дают потерпевшему на раннем этапе дела хорошее представление о вероятном содержании соглашения о признании вины, а также о тех соображениях, которые могут отвлечь прокурора от его первоначальной оценки. Все это должно помочь свести к минимуму вероятность того, что потерпевший удивится, когда в суд будет представлено соглашение о признании вины, или будет обманут, когда прокурор решит разрешить дело таким образом, который противоречит предпочтениям потерпевшего.

Как предполагается здесь, руководящие принципы будут подвергать осуществление прокурорского усмотрения большей прозрачности и публичной подотчетности. Тем не менее лица, принимающие дискреционные решения, часто сопротивляются прозрачности и подотчетности. Эта тенденция представляет собой серьезную проблему, потому что непокорные прокуроры могут эффективно подорвать проект руководящих принципов на двух уровнях. Во-первых, на общем уровне составления руководств прокуроры могут стремиться придать самим руководствам столько свободы действий, что они теряют большую часть своей полезности. Например, руководство по ограблениям может быть составлено таким образом, чтобы требовать максимального обвинения в «необычно серьезных» делах – субъективное определение, которое оставило бы прокурорам значительное пространство для маневра при принятии решения о возбуждении максимального обвинения. Во-вторых, на уровне применения по конкретному делу отдельные прокуроры могут игнорировать руководящие принципы или использовать их неискренним образом, например, принимая плохо обоснованные аргументы в пользу отступления.

Первая проблема может быть решена посредством внешнего регулирования руководящих принципов. Например, независимой комиссии может быть поручено обеспечить надлежащую конкретность и объективность руководящих принципов. С другой стороны, решение первой проблемы таким образом может усугубить вторую проблему, поскольку прокуроры могут менее серьезно относиться к руководящим принципам в каждом конкретном случае, поскольку они воспринимаются как нечто навязанное извне.

Было бы предпочтительнее заручиться поддержкой прокуратуры. Некоторых может убедить потенциал процедурной справедливости в соглашениях о признании вины для достижения целей борьбы с преступностью. Хотя процессуальное правосудие не соответствует стандартной парадигме борьбы с преступностью «жестко», которая часто встречается в культуре правоохранительных органов, вдумчивые прокуроры признают ограничения «жесткости», и многие из них приняли многообещающие, хотя и более мягкие альтернативы, такие как восстановительное правосудие и суды по разрешению споров. Более того, многие прокуроры считают, что у них есть особые обязательства перед потерпевшими, и в настоящее время существует долгая история сотрудничества между прокурорами и движением за права потерпевших. В той мере, в какой руководящие принципы рассматриваются как проблема прав потерпевших, как и должно быть, прокуроры, вероятно, окажутся более открытыми для их принятия.

ВЫВОДЫ

Как показали многие исследования о правах потерпевших, становится все более общепризнанным, по крайней мере на уровне абстрактного принципа, что потерпевшим должна быть предоставлена возможность участвовать в переговорах о признании вины. Менее ясно, действительно ли это обязательство является более существенным, чем символическим, то есть будут ли потерпевшие и общественность настаивать на реальных изменениях в существующей практике, а прокуроры примут их. Если мы серьезно относимся к участию потерпевших, то пора отказаться от невнятных требований о консультациях и более серьезно подумать о надлежащей правовой процедуре. Руководящие принципы прокурора могут сыграть важную роль в обеспечении большей процессуальной справедливости в соглашениях о признании вины. Более того, они обещают более широкие общественные выгоды, чем просто повышение уровня удовлетворенности потерпевших, в том числе усиление чувства уважения к закону и судебным властям как среди потерпевших, так и среди обвиняемых, более информированные и последовательные результаты переговоров о признании вины, а также улучшенную подотчетность перед обществом.

Руководящие принципы также могут привести к различным расходам, и нельзя гарантировать, что выгоды перевесят затраты. Действительно, общий успех прокурорских указаний, вероятно, будет зависеть от многих тонких и, возможно, в настоящее время непредвиденных факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. GEORGE P. FLETCHER, WITH JUSTICE FOR SOME: VICTIMS' RIGHTS IN CRIMINAL TRIALS 248 (1995).
2. Sarah N. Welling, Victim Participation in Plea Bargains, 65 WASH. U. L.Q. 301, 304 (1987).
3. Allen Edgar, Commentary, 46 CAN. J. CRIMINOLOGY & CRIM. JUST. 505, 507-10 (2004).
4. MARKUS DIRK DUBBER, VICTIMS IN THE WAR ON CRIME: THE USE AND ABUSE OF VICTIMS' RIGHTS 155 (2002).
5. Ronald F. Wright, Trial Distortion and the End of Innocence in Federal Criminal Justice, 154 U. PA. L. REV. 79,109-10 (2005).
6. Russell L. Christopher, Deterring Retributivism: The Injustice of "Just" Punishment, 96 Nw. U. L. REV. 843, 846-47 (2002).
7. Jean Hampton, Correcting Harms Versus Righting Wrongs: The Goal of Retribution 39 UCLA L. REV. 1659, 1698 (1992).
8. Tom R. Tyler & E. Allan Lind, Procedural Justice, in HANDBOOK OF JUSTICE RESEARCH IN LAW 65, 65 (Joseph Sanders & V. Lee Hamilton eds., 2000).
9. Robert Weisberg & Marc L. Miller, Sentencing Lessons, 58 STAN. L. REV. 1, 16-20 (2005).
10. The Constitution Project Sentencing Initiative, Recommendations for Federal Criminal Sentencing in a Post-Booker World, 18 FED. SENT'G REP. 310, 316-17 (2006).
11. Kim S. Hunt & Michael Connelly, Advisory Guidelines in the Post-Blakely Era, 17 FED. SENT'G REP. 233, 235-39 (2005).